

Научная специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»

УДК 340.130

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.2.15>

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

© Спирин М. Ю., 2021

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва, г. Самара, Россия

Рассматривается статус формальных источников права с точки зрения их определения и возможности создания перечня данных источников, закрепленного на законодательном уровне. Ставится проблема необходимости существования официального перечня формальных источников права в национальной правовой системе. Исследуется феномен цифровизации социальной жизни и правовых средств, необходимых для ее эффективного регулирования. Определяются основные тенденции цифровизации правовой системы общества на основе цифровизации системы формальных источников права, делаются необходимые выводы о характере данного процесса, его направленности, а также о тех положительных и отрицательных моментах, которые с ним связаны. Особое внимание обращается на проблематику соответствия «эталонных» текстов нормативных правовых актов и иных формальных источников права, закрепленных в официальных средствах правовой информации, и «цифровых» оболочек данных нормативных предписаний, которые функционируют в рамках коммерческих справочных правовых систем. На основе произведенного анализа определяются основные проблемы современной цифровизации формальных источников права. Затрагивается проблематика самовоспроизводства права, обращается внимание на этическую проблему создания права для регулирования социальных отношений с помощью цифровых технологий. Делаются выводы о двойственном, объективно-субъективном характере цифровизации формальных источников права и роли коллективного человеческого разума в вопросе создания и реализации права.

Ключевые слова: формальный источник права, цифровизация социальной жизни, цифровизация формальных источников права, искусственный интеллект, цифровая оболочка правового регулирования, юридическая норма.

В российской научной литературе и документах юридической практики формальный (формально-юридический, специально-юридический) источник права (часто для сомнительной краткости именуемый источником права) обычно выступает в качестве синонима внешней формы права [7, с. 57–58]. При этом такая внешняя форма права традиционно понимается как официально принятая в установленном порядке органом публичной власти форма (оболочка) системно-структурного закрепления юридических норм (общеобязательных правил поведения лиц) [2, с. 20–21, 43]. Вопрос соотношения содержания данной формы и ее собственных свойств также традиционно решается в контексте кельзеновского разграничения категорий *Rechtsnorm* и *Rechtssatz*, когда для установления существования правового регулирования следует различать собственно нормативное предписание в виде запрета, обязывания либо управомочия, с одной стороны, и необходимые внешние, технические средства выражения вовне этого предписания, с другой стороны, нормативное содержание которых требуется грамотно истолковать [5, с. 12–14; 1, с. 199–200].

Формальный источник права служит именно таким средством выражения значительных по объему групп юридических норм, имея при этом также и самостоятельное значение в качестве технического средства накопления нормативных предписаний и единообразного доведения их до сведения будущих участников правовых отношений. Вопрос единообразия в этом аспекте является принципиально важным и влияет на саму природу формального источника права, определяет его значение в процессе социального регулирования и жизни общества в целом.

Этим формальный источник права существенно отличается от неформальных источников, выделяемых плюралистическим подходом в теории источников права, в ряду которых обычно называются материальные, идеологические, социально-культурные, познавательные и другие источники права. Формальный источник права отличается от них цельностью (единством), устойчивостью (гарантированностью) и способностью к единообразному восприятию всеми субъектами правовой системы общества.

Степень данной цельности увеличивается в тех случаях, когда мы видим устойчивые перечни видов формальных источников права,

действующих в конкретной национальной правовой системе (особенно если она использует специальные законодательные акты, посвященные статусу, разновидностям и соотношению основных видов формальных источников права), либо когда констатируется главный (ведущий) формальный источник права в национальной правовой системе (например, нормативный правовой акт), природа и содержание которого будут определяющими факторами для всех иных формальных источников права в данном обществе. Другое дело, можно ли с высокой степенью вероятности создать итоговые перечни таких источников права, а также «раз и навсегда» определить ведущую внешнюю форму закрепления нормативных предписаний при условии объективного и перманентного развития самого права как регулирующей реальности? Данный вопрос является риторическим, хотя иногда, для практической необходимости, делаются попытки дать на него адекватный ответ.

Так, например, законодатель Беларуси в действующем Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах»¹ определил важнейшие правила систематизации нормативных правовых актов как важнейших формальных источников права и основные приемы их систематизации. В статьях 2, 3, 12 и 14 данного закона даны нормативные определения нормативному правовому акту, законодательному акту, законодательству, Конституции, закону, многим подзаконным нормативным правовым актам. По сути, данный закон в настоящее время определяет все основные виды нормативных правовых актов, действующих в национальной правовой системе Беларуси. Стоит также обратить внимание на достаточно большой объем данного закона (79 статей) и высокий уровень согласованности его норм.

Как известно, подобный закон в Российской Федерации все еще продолжает существовать на стадии проекта, несмотря на то что многие теоретические достижения отечественных ученых в этой сфере активно заимствованы законодательством многих стран СНГ (Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) о нормативных правовых актах [6]. Кроме того, в России имеется инициативный проект федерального закона «О формах российского права», разработанный В. В. Ершовым [6, с. 161].

Любопытен пример действующего Закона Святого Престола (Ватикана) об источниках

права от 7 июня 1929 г., по которому определяются «главные источники действующего права»; в ст. 1 данного Закона к таковым относятся: Кодекс канонического права, Апостольская конституция, законы верховного понтифика и постановления [3].

Подобные примеры подтверждают определенное стремление национального законодателя к установлению «конечности» перечня формальных источников права, к созданию исчерпывающих перечней внешних форм, в которых содержатся общеобязательные нормы права.

На более высоком (глобальном) уровне регулирования социальных (межгосударственных) взаимодействий можно увидеть попытку субъектов международного публичного права предусмотреть и более широкий перечень, чем список основных видов законодательных или нормативных правовых актов. Так, ч. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН 1945 г., подписанного 50 суверенными государствами, предусматривает в качестве видов формальных источников международного права, нормы которых используются соответствующим Судом, общие и специальные международные конвенции, общепризнанные международные обычаи, общие принципы права, судебные решения и доктрину. Часть 2 данной статьи Статута указывает на возможность применения в качестве формальных источников права соображений справедливости и здравого смысла (*ex aequo et bono*) при наличии соглашения сторон на их применение Судом.

Таким образом, на различных уровнях правовой реальности в течение всего XX в. мы видим повторяющиеся попытки максимально систематизировать представления о нормативных правовых актах, а также других формальных источниках права и создать на этом основании их устойчивые, иерархические перечни.

Данная тенденция вполне соотносится с актуальными уже для XXI в. трендами цифровизации правового регулирования.

При обсуждении данной проблематики следует учитывать, что цифровизация в целом, по сути, является отражением многих процессов, связанных с изменением как оболочек, так и содержания явлений социальной жизни современного общества. Невозможно рассматривать цифровизацию права, правовой системы общества, системы формальных источников права, применяемых для регулирования отношений в данном обществе, отдельно от цифровизации самой социальной жизни.

Как известно, цифровизация (диджитализация, *digitalization*), являясь феноменом XXI столетия и одним из символов постиндустри-

¹ О нормативных правовых актах : закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&rp0=H11800130> (дата обращения: 12.06.2021).

ального (технологического) общества, выступает изначально в качестве средства повышения эффективности привычного социального взаимодействия (знаковыми примерами могут служить электронная переписка и электронные базы данных правовой информации). В то же время изменение оболочки социальной жизни (цифровая трансформация) объективно воздействует и на изменение внутреннего содержания социальных процессов, происходящих внутри этой оболочки, вследствие чего масштабное цифровое изменение самих социальных отношений может привести к такому неоднозначному явлению, как создание общества нового типа (общества, в котором «господствует цифра»). В этом случае цифровые сервисы и технологии становятся не просто внешними формами упорядочения процессов социального взаимодействия, но оказывают принципиальное влияние на природу, характер и направленность такого взаимодействия. Именно это нужно учитывать при развитии различных цифровых методов учета и контроля разнообразных социальных взаимодействий.

Тем самым право и различные внешние формы его выражения (формальные источники права) также включаются в эту систему методов, в этом случае, по меткому замечанию П. Хлебникова, «общество становится «оцифрованным»». Регулятивные способности права, сопряженные с управленческими (в том числе принудительными) механизмами публичной власти, выраженные в рамках цифровой оболочки, создают сами по себе не только новую реальность нормативного регулирования, но и новую по своему содержанию социальную жизнь [11].

В этом отношении примечательным является указание председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на то, что данный процесс означает зарождение нового типа права – «права второго модерна», которое будет регулировать экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, big data, роботов и искусственного интеллекта [4].

Данное «право второго модерна» (право метамодерна, или метаправо), как и привычные нам правовые системы XX и начала XXI в., в качестве своей важнейшей функции должно осуществлять эффективное регулирование социальных взаимодействий лиц в различных, требующих именно правового участия сферах общественной жизни. В том числе такое регулирование должно быть направлено на регламентацию самого процесса цифровизации социальной жизни с помощью формальных источников права (законодательство, правовые позиции высших судов). Именно таким образом

в недалеком уже прошлом было сформировано законодательство об информации, информационных технологиях и защите информации, о персональных данных лиц, их систематизации и охране, об электронной подписи и т. д. В этом смысле, по мнению А. А. Головиной, цифровизация и информатизация общественных отношений выступают определяющими факторами динамики современных источников права [12, с. 115–125].

Исходя из этого, нашему вниманию открывается цельная логическая цепочка «цифровизация социальной жизни – цифровизация права – цифровизация формальных источников права», определяющая необходимость рассмотрения проблем данной цифровизации на уровне изменения характера формальных источников права.

Если исходить из условия, что цифровизация формальных источников права, содержащих нормативные предписания для регулирования социальной жизни и самого процесса цифровизации этой жизни, является неизбежной, то как факт нужно принимать во внимание изменение как характера формальных источников права, так и свойств тех логических связей, которые «скрепляют» внешние оболочки содержания юридических норм с самими нормами права. В этом случае к новому «цифровому» праву, выраженному в таких источниках, вполне применима известная концепция правового аутопойезиса, а также теория юридической рекурсии (самовоспроизводства права) в сфере нормативного правового регулирования [8]. При этом возникает проблема степени человеческого (социального) участия в процессах создания и введения в действие норм такого «цифрового права», которая часто рассматривается на уровне глобального цифрового пространства социальных взаимодействий, для которых нормы «цифрового права» обладают регулирующим характером (функционирование и защита так называемых системных продуктов: программного обеспечения, информационных технологий etc.). В данном случае отличие формальных источников «цифрового права» от привычных нам современных формальных источников права состоит в определяющем значении не объекта их регулирования, а способа регулирования. Именно в таком смысле члены авторского коллектива Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ рассматривают концепцию электронного нормативного правового акта [12, с. 137–165].

Определяя сущность цифровизации формальных источников права, следует указать на необходимость «погружения» внешних форм

действующего права в автоматизированную информационную среду. При этом данное погружение нужно рассматривать в двух аспектах: 1) как процесс такого погружения (функциональная цифровизация) и 2) как итог такого погружения (предметная цифровизация).

Сам процесс формирования «цифрового права» является отражением перманентной цифровизации формальных источников права. Как известно, данный процесс начался еще в 60-е гг. XX в., при этом ближе к концу XX в. развитие и распространение информационных справочных правовых систем (СПС), а также фактическая замена ими бумажных носителей правовой информации как внешних средств закрепления (текстов) нормативных правовых актов, нормативных договоров и иных формальных источников права усилили свою активность. В настоящее время юристы, выполняющие свои функции в различных сферах профессиональной деятельности, не представляют себе эту деятельность без использования данных систем. Именно СПС можно рассматривать как знаковый образец электронной оболочки, в которую «погружены» привычные формальные источники права. По сути, право в этом случае ассоциируется нами уже не с многотомной и сложной библиотекой фолиантов юридических норм и премудростей, а с неким «облаком» регулятивной информации, которым мы можем условно «накрыть» себя, включив компьютер и войдя в соответствующую справочную правовую систему. При этом образ права несколько упрощается, поскольку в силу конкретного профессионального задания в этом случае нам нужно воспринимать строго определенный нормативный правовой акт и его положения, одновременно с этим мы можем находиться в относительном неведении по отношению ко многим иным нормативным правовым актам. Как справедливо указывают Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, данная ситуация объективно предполагает появление в национальной правовой системе так называемых виртуальных дублеров («цифровых двойников») официальной нормативной правовой информации, поскольку в подавляющем большинстве случаев даже профессиональные юристы (не говоря уже о других категориях населения) не будут определять тождество нормативных предписаний, содержащихся в коммерческих справочных правовых системах, с эталонами этих предписаний, выраженных в официальных государственных источниках [10].

В рамках такого процесса цифровизации формальных источников права правовые обычаи, не санкционированные государством и не

включенные в установленном порядке в состав нормативных правовых актов, а также многие компоненты юридической доктрины могут потерять свое регулятивное значение, что, как представляется, совершенно недопустимо. Данные формальные источники права могут и должны выступать средствами проверки эффективности облеченных в цифровую оболочку нормативных правовых актов, а в необходимых случаях (что особенно важно для юридической доктрины) могут осуществлять фактическое и необходимое противодействие излишней цифровизации иных формальных источников права.

На основании вышеизложенного можно установить некоторые важные для понимания достоинства и недостатки цифровизации формальных источников права, а также обратить внимание на принципиальные проблемы в этой сфере.

К основным достоинствам цифровизации формальных источников права традиционно относят удобство использования справочных правовых систем и иных электронных оболочек формальных источников права, удобство контекстных ссылок на необходимые юридические нормы в рамках этих оболочек, которые существенно сближают элементы законодательного и прецедентного права. Цифровизация облегчает оперативное разрешение возникающих правовых коллизий, значительно повышает степень структурированности системы национального права и национальной правовой системы в целом.

В то же время данные достоинства при определенных условиях могут превратиться в серьезные недостатки. Такими недостатками можно считать чрезмерное доверие искусственному интеллекту в вопросах структуризации системы национального права в целом и каждого конкретного нормативного правового акта, входящего в нее, в частности. Важным отрицательным моментом является формирование так называемой цифровой зависимости в познании, структурировании и применении нормативной правовой информации, когда вне данной цифровой оболочки юрист (и любой другой член общества) перестанет воспринимать право и его регулятивные средства. Серьезной опасностью выступает отмеченная Т. Я. Хабриевой возможность «подмены юридических понятий» в рамках самой цифровой оболочки права, поскольку до определенного момента она создается человеком, а не искусственным интеллектом [Там же].

Само развитие проблематики цифровизации формальных источников права предполагает необходимость ее учета как в рамках юридического образования, так и в процессе осуществления профессиональной юридической деятельности.

В этой связи представляется, что юридическая наука (доктрина права) должна выполнять особую, «цивилизаторскую» функцию, указывая на отмеченные ранее преимущества и недостатки, периодически ставя под сомнение отдельные элементы данной цифровой оболочки правового регулирования и исправляя допущенные ошибки, с неизбежностью возникающие в рамках формального «машинного» процесса создания и применения права.

Таким образом, стоит признать, что цифровизация национальной правовой системы в целом, системы национального права и формальных источников этого права носит двойственный, объективно-субъективный характер.

С одной стороны, этот процесс определяется материальными условиями жизни и направлениями развития социума, который нуждается в определенной (с каждым годом и десятилетием – все большей) степени цифровизации правового регулирования общественных процессов. С другой стороны, в рамках цифровизации присутствуют субъективные групповые и даже индивидуальные интересы, в том числе выраженные в стремлении чрезмерно ускорить данный процесс и (или) перевести его в определенные специализированные плоскости, которые не будут соответствовать существующему уровню развития формальных источников права.

Любопытен и в чем-то парадоксален вывод Э. В. Талапиной о том, что возможность «шаблонизации» лучшего правоприменительного результата, достигнутого в рамках цифровизации правоприменительной (в том числе судебной) деятельности, может быть признана в качестве максимального приближения к юридическому эталону *aequitas* [9, с. 16–17]. Тем самым фактически признается объективная невозможность всесторонней реализации универсального принципа справедливости вне цифровой оболочки права аналоговыми средствами *hand made*, выражается определенное разочарование в возможностях свободного человеческого разума адекватно, равно и справедливо регулировать текущие социальные взаимодействия, что, впрочем, имеет под собой весомые основания.

Необходимо обратить внимание и на опасности цифровизации самих формальных источников права, главной из которых является последовательное исключение функции правотворчества из ведения общества и даже из состава компетенции его уполномоченных представителей (постепенное исчезновение парламентской и правительственной правотворческих функций). Фактическая легализация так называемых цифровых двойников текстов нормативных правовых актов и иных формаль-

ных источников права должна одновременно предусматривать наличие устойчивых способов верификации данных «двойников», это, в свою очередь, по мнению Т. Я. Хабриевой, приведет к появлению так называемых гибридных источников права, что, по сути, также является спорной позицией, определенной уступкой наступающему универсализму цифровой оболочки правового регулирования [10].

В заключение стоит отметить, что механическая цифровизация без учета многих социальных и индивидуальных интересов и потребностей в перспективе может вызвать серьезное общественное недовольство и последующее революционное преобразование всей ранее созданной системы формальных источников права в цифровой оболочке, в том числе и «гибридных источников», что явно не пойдет на пользу как самому обществу, так и его правовой системе. Поэтому процесс цифровизации права и системы его формальных источников должен проходить (а в необходимых случаях – и контролироваться органами публичной власти) на основе принципа разумной сочетаемости традиционных и инновационных форм нормативной регламентации социальных взаимодействий, перманентного поиска соответствующего баланса в рамках данной цифровизации. ❏

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов М. В. Теория государства и права : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 498 с.
2. Дробышевский С. А., Данцева Т. Н. Формальные источники права. М. : Норма, 2011. 160 с.
3. Закон Святого Престола (Ватикана) об источниках права от 7 июня 1929 г. // Государство град Ватикан. URL: <https://vaticanstate.ru/zakon-ob-istochnikax-prava-7-iyunya-1929-goda-2/> (дата обращения: 22.02.2021).
4. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газ. 2018. 29 мая (№ 115). URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-izashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 22.02.2021).
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве : пер. с нем. 2-е изд. СПб. : Издат. дом «Алеф-пресс», 2015. 542 с.
6. Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ: возможности сравнительно-правового исследования // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 4. С. 159–164.
7. Марченко М. Н. Источники права. 2-е изд. М. : Норма, 2014. 672 с.
8. Сияков Д. К. Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 175 с.
9. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
10. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

11. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93–101.

12. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2019. 234 с.

REFERENCES

1. Antonov M.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Theory of state and law: textbook and workshop for academic bachelor's degree]. Moscow, Yurait, 2018. 498 p. (in Russian)
2. Drobyshevskiy S.A., Dantseva T.N. *Formal'nyie istochniki prava* [Formal sources of law]. Moscow, Norma, 2011, 160 p. (in Russian)
3. *Zakon Svyatogo Prestola (Vaticana) ob istochnikakh prava* [Act of the Holy See (Vatican) on the sources of law. June 7, 1929]. State Vatican. Available at: <https://vaticanstate.ru/zakon-ob-istochnikax-prava-7-iyunya-1929-goda-2/> (date of access: February, 22, 2021).
4. Zor'kin V.D. Pravo v tsifrovom mire. Razmyshlenie na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma [Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St.Petersburg International Legal Forum]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2018, 29 May, no. 115 (7578). Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyie-prava-grazhdan.html> (date of access: February, 22, 2021).
5. *Kelsen H. Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law] / transl. from German. 2nd ed. St.Petersburg, Publishing house «Alef-press», 2015. 542 p. (in Russian)
6. Lipen' S.V. Zakony o normativnykh pravovykh aktakh stran SNG: vozmozhnosti sravnitel'no-pravovogo issledovaniya [Acts on normative legal acts of the CIS countries: the possibilities of comparative legal research]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina* [Herald of Kutafin Moscow State Law University], 2018, vol. 4, pp. 159–164. (in Russian)
7. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [Sources of law]. 2nd ed. Moscow, Norma, 2014. 672 p. (in Russian)
8. Sinyakov D.K. *Kontseptsiya pravovogo autopoyesisa. Teoreticheskoe obosnovanie* [The concept of legal autopoesis. Theoretical justification]. Moscow, UNITY-DANA, 2014. 175 p. (in Russian)
9. Talapina E.V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vysovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2018, vol. 2, pp. 5–17. (in Russian)
10. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [Law in a digital reality]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2018, vol. 1, pp. 85–102. (in Russian)

11. Khlebnikov P. Tsifrovizatsiya prava kak sledstvie tsifrovizatsii zhizni [Digitalization of law as a consequence of digitalization of life]. *Zhilishnoe pravo* [Housing law], 2017, vol. 9, pp. 93–101. (in Russian)

12. *Tsifrovizatsiya pravotvorchestva: poisk novykh resheniy* [Digitalization of law-making: searching for new solutions]. Ed. D.A. Pashentsev. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF [Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation]; INFRA-M, 2019, 234 p. (in Russian)

The Main Problems of Digitalization of Formal Sources of Law

© Spirin M. Yu., 2021

The status of formal sources of law is considered from the point of view of their definition and the possibility of creating a list of these sources, enshrined at the legislative level. The problem is posed of the need for the existence of an official list of formal sources of law in the national legal system. The phenomenon of digitalization of social life and legal means necessary for its effective regulation is investigated. The main trends in the digitalization of the legal system of society are determined on the basis of the digitalization of the system of formal sources of law, the necessary conclusions are drawn about the nature of this process, its direction, as well as about those positive and negative aspects that are associated with it. Particular attention is paid to the problem of compliance of “reference” texts of normative legal acts and other formal sources of law, enshrined in the official means of the content of legal information, and “digital” shells of these regulatory prescriptions that function within the framework of commercial legal reference systems. Based on the analysis performed, the main problems of modern digitalization of formal sources of law are determined. The issue of self-reproduction of law is touched upon, attention is drawn to the ethical problem of creating law to regulate social relations using digital technologies. Conclusions are made about the dual, objective and subjective nature of digitalization of formal sources of law and the role of the collective human mind in the creation and implementation of law.

Keywords: formal source of law, digitalization of social life, digitalization of formal sources of law, artificial intelligence, digital shell of legal regulation, legal norm.